

УДК: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-2/167-180

Научная статья

© М. О. Нессар

АРМЯНСКАЯ ОБЩИНА АФГАНИСТАНА В XVII–XX ВВ.

Настоящая работа — анализ исторической судьбы армянской диаспоры в Афганистане. Эта уникальная группа представляет собой малоизученное этническое и религиозное меньшинство. Хронологические рамки работы охватывают период Нового времени. Это позволяет проследить полный жизненный цикл общины, начиная от ее становления в качестве влиятельной торговой и ремесленной группы, через постепенную интеграцию в элитные слои афганского общества и заканчивая последующим стремительным упадком. Особое внимание уделяется механизмам сохранения коллективной идентичности в условиях инокультурного окружения. Для понимания проблематики автор на основе мемуарных источников реконструирует быт и культурную жизнь армян. Доказывается, что изначальная устойчивость и самобытность общины были обеспечены уникальной для региона средой веротерпимости, которая характеризовала афганское общество того периода. Однако кризис диаспоры объясняется сочетанием внутренних и внешних факторов. Ключевую роль сыграла утрата политического иммунитета в процессе централизации государства при эмире Абдурахман хане. Парадоксальным образом, успешная интеграция, достигшая высшей точки в династическом браке при Дост Мохаммад-хане, в дальнейшем предопределила уязвимость армян, сделав их заложниками междоусобных конфликтов. Наряду с этим, существенное влияние оказали глобальные геополитические процессы, такие как усиление британского колониального влияния в Азии и трансформация сухопутных торговых путей, что подорвало экономические основы существования диаспоры. В заключении автор обосновывает перспективность дальнейшего изучения темы через комплексный подход, который включает работу с архивными материалами и проведение полевых исследований на территории Афганистана.

Ключевые слова: Афганистан, армяне, армянская община, Исхак-хан

Ссылка при цитировании: Нессар М. О. Армянская община Афганистана в XVII–XX вв. // Вестник антропологии. 2026. № 2. С. 167–180.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-2/167-180

Original article

© *Omar Nessar Mohammad*

THE ARMENIAN COMMUNITY IN AFGHANISTAN (XVIITH–XXTH CENTURIES)

This paper provides a comprehensive analysis of the historical trajectory of the Armenian diaspora in Afghanistan, an understudied ethnic and religious minority. The study focuses on the modern period, tracing the community's full life cycle from its rise as an influential trade and craft group and integration into the elite Afghan society, to its subsequent rapid decline. The research emphasizes the mechanisms used to preserve collective identity within a foreign cultural environment, reconstructing the daily life and cultural practices of the Armenians using memoir sources. It is argued that the community's initial stability was due to the region's unique environment of religious tolerance prevalent in Afghan society at the time. The diaspora's crisis is attributed to both internal and external factors. A critical turning point was the loss of political immunity during the centralization of the state under Emir Abdur Rahman Khan. Ironically, their successful integration, culminating in a dynastic marriage during Dost Mohammad Khan's reign, eventually led to their vulnerability, making them hostages in local power struggles. Global geopolitical shifts, such as increased British influence and changing trade routes, further eroded the community's economic base. The conclusion highlights the need for continued comprehensive research, utilizing archival materials and future field studies in Afghanistan to further explore this subject.

Keywords: Afghanistan, Armenians, Armenian community

Author Info: Nessar, Omar M. — Ph.D. in History, Senior Researcher, Center for Near and Middle East Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: nessar@yandex.ru

For citation: Nessar, O. M. 2026. The Armenian Community in Afghanistan (17th–20th Centuries). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 167–180.

Методология и материалы

Тема армянской общины Афганистана остается неразработанной в современной отечественной историографии, что выражается в отсутствии специализированных исследований, посвященных данному феномену. Вместе с тем, отдельные аспекты её истории нашли отражение в работах, сфокусированных, во-первых, на социально-экономических процессах XIX в. в Афганистане (Окимбеков 2025) и, во-вторых, на изучении правового и социального положения немусульманских общин региона в различные исторические периоды (Куповецкий 1992; Григорьев 2017). При этом следует подчеркнуть, что реконструкция истории общины в трудах отечественных авторов в значительной степени опирается на анализ исследований их зарубежных коллег, включая данные, полученные в ходе полевых изысканий британских путешественников и археологов.

Аналогичная картина характерна и для афганской историографии, где история армянской общины освещается фрагментарно и базируется на трудах зарубежных авторов (см., например, *Kakar* 2006; *Abdur Rahman* 1900; *Koxzad* 1950). Можно предположить, что слабая изученность обусловлена высокой степенью интеграции армян в афганское общество, из-за чего они не выделялись на общем фоне и не становились объектом пристального внимания историков, в отличие от других немусульманских меньшинств.

Что касается источников на армянском языке, то они не были подвергнуты системному анализу в рамках настоящего исследования. Тем не менее, в ходе мониторинга ненаучного дискурса с применением инструментов искусственного интеллекта были выявлены фрагментарные данные, содержащие отдельные упоминания об армянах на территории Афганистана. При этом нельзя исключать, что авторы подобных публикаций могли подразумевать армян, проживавших в сопредельных регионах, например, на территории Персии и Индии.

Несмотря на то что в зарубежной, преимущественно англоязычной, научной традиции теме армянской общины в Афганистане уделяется больше внимания, она по-прежнему носит периферийный характер, а специализированные монографии по этой проблематике отсутствуют. В этом контексте особую ценность приобретают первоисточники (мемуары и отчёты археологов, путешественников, дипломатов и врачей). В частности, труды Чарльза Массона (*Masson* 1844), Александра Бернса (*Burnes* 1834), Джона Грея (*Gray* 1895) и других заложили основу для последующих исследований. На их базе и с привлечением современных работ, включая исследования британского востоковеда Джонатана Л. Ли (*Lee* 2002; *Lee* 2018) и публикации других авторов (*Contadini et al.* 2002; *Seth* 1937; *Bonotto* 2023; *Lockhart* 1938), стало возможным воссоздать отдельные аспекты жизни армянской общины в Афганистане.

Методологической основой верификации исторических событий и биографических данных выступила кросс-верификация, осуществлявшаяся путём сопоставления сведений из трудов отечественных (*Ромодин* 1990) и зарубежных (*Adamec* 1975) авторов.

Учитывая отмеченную фрагментарность и недостаточную изученность темы в историографии, методология данной работы была сформирована на основе анализа широкого круга вторичных источников. Речь идет о научных работах отечественных и зарубежных авторов, в которых содержатся фрагментарные сведения об армянской общине. В ходе проведения исследования были применены общеизвестные научные методы, включая контент-анализ и кросс-верификация, позволившие выявить и сопоставить ключевые события в имеющейся литературе. Ивент-анализ, примененный для хронологической и причинно-следственной реконструкции истории общины, позволил выявить ключевые переломные моменты и проанализировать их влияние на трансформацию статуса армянской диаспоры.

Целью данной статьи является привлечение внимания академических кругов к данному историческому феномену, который, несмотря на свою уникальность, остается на периферии научных изысканий. Также ставится задача обозначить приоритетные направления для его дальнейшего комплексного исследования, подчеркивая актуальность восполнения существующих пробелов в историографии.

Формирование армянской общины

Формирование армянской диаспоры на территории Афганистана, как и в случае с другими немусульманскими общинами, определялось совокупностью причин. При этом анализ исторических свидетельств позволяет выделить в качестве центрального фактора торгово-экономическую составляющую. Хозяйственная деятельность традиционно лежала в основе функционирования армянских диаспор, определяя их географию расселения, правовое положение и формы адаптации в принимающих обществах, что находит подтверждение в академических исследованиях (Топилин и др. 2021).

Следует подчеркнуть, что армянская община Афганистана соответствовала этой закономерности, поскольку её становление и дальнейшее развитие были неразрывно связаны с трансконтинентальной торговлей. Важным свидетельством данного процесса является то, что в XVII–XVIII вв. армянские купцы занимали ключевые позиции в системе сухопутных торговых маршрутов, соединявших Европу, Центральную Азию и Индию, что и предопределило их устойчивое присутствие в регионе.

Особый правовой статус армян, основанный на нормах исламского права, разрешавших немусульманам совершать финансовые операции с процентами, способствовал становлению их как важных экономических посредников. Активно используя сетевые связи с соотечественниками в Индии, Бухаре, Иране и Османской империи, они обеспечивали функционирование трансрегиональных торговых цепочек (Contadini et al. 2002).

Формирование армянских общин на территории современного Афганистана осуществлялось поэтапно. Их последующее существование характеризовалось волнообразной динамикой, проявлявшейся в циклических колебаниях численности, точная статистика которой, к сожалению, недоступна. Формирование армянской общины Кабула в научной литературе датируется серединой XVIII века и связывается с политикой иранского правителя Надир-шаха и афганского Ахмад-шахом Дуррани. Переселение осуществлялось из Ирана и Индии (Lockhart 1938).

Значительная часть переселенцев прибыла из сопредельных иранских областей. Около 1737 г. правитель Ирана Надир-шах Афшар принудительно переселил в регион от 200 до 300 армянских купцов, а позднее, в период правления Ахмад-шаха Дуррани (1747–1773), к ним добавилось около пятидесяти семей, переведённых из города Мешхед. Параллельно фиксируется миграция из индийских центров армянской диаспоры. К концу XVIII в. армянские общины устойчиво существовали в ключевых городах Афганистана (Кабуле, Кандагаре и Герате), поддерживая разветвлённые торговые связи с Северной Индией, ханствами Центральной Азии и Кавказом (Lee 2002).

На протяжении XVIII–XIX вв. демографическая динамика армянской общины, обусловленная комплексом факторов (естественный прирост, отток и приток мигрантов), демонстрировала существенные колебания. Афганские правители, испытывая потребность в квалифицированных специалистах, стремились привлекать их в различные сферы, включая не только торгово-экономическую, но и военную. Так, в 1755 г. Ахмад-шах Дуррани инициировал переброску армянских артиллеристов из Лахора. Эти переселенцы обладали ключевой технологией литья артиллерийских орудий (Seth 1937).

Таким образом, формирование армянской диаспоры в Афганистане в XVII–XVIII вв. имело преимущественно экономическую природу. Община сложилась

благодаря сочетанию политической воли правящих кругов и трансконтинентальной торговой активности, заняв нишу финансовых и торговых посредников. Устойчивость диаспоры обеспечивалась особым правовым статусом, обширной сетевой структурой и интеграцией в городские центры, что позволило армянам стать неотъемлемым элементом социально-экономической жизни региона.

Армянские кварталы

Уже к началу XVIII в. современники характеризовали армянскую колонию в Кабуле как «процветающую», что свидетельствовало об её успешной экономической интеграции. Однако, несмотря на это положение, община сохраняла свою внутреннюю структуру и локализацию. В то время как часть армян искала применение своим навыкам за пределами Афганистана, основное население продолжало вести оседлую жизнь в собственном квартале (*махялле*) в Кабуле. Этот квартал располагался внутри стен цитадели Бала-Хисар¹ и представлял собой улицу с торговыми лавками. При этом по меньшей мере один караван-сарай находился с северной стороны главной улицы, за Желалабадскими воротами.

Подобная локализация внутри цитадели, в непосредственной близости от центра власти, указывает на привилегированный статус общины, что, несомненно, оказывало влияние на её внутренний уклад. В этой связи детальная реконструкция образа жизни кабульских армян представляется важной для понимания уникальной модели симбиоза этно-конфессионального меньшинства и правящей элиты в афганском государстве той эпохи.

Рассмотрим это положение, обратившись к материалам британского исследователя Джонатана Ли. Реконструкцию целесообразно начать с анализа духовно-культурного фундамента общины. Его материальным воплощением была армянская церковь. Она располагалась в переулке слева, внутри замкнутого двора, характерного для архитектуры караван-сараев, и, вероятно, была основана во второй половине XVIII в.

Это небольшое, тёмное молитвенное здание, вмещавшее менее ста человек, было застелено коврами и содержалось в безупречной чистоте. Место для богослужений, расположенное у восточной стены, воздвигли на приподнятом возвышении и отделили от собравшихся оградой. На престоле располагались шесть подсвечников, два небольших креста и два экземпляра Священного Писания (Евангелия). На восточной стене находилась икона Святого Семейства, а на небольшой подставке за пределами алтарной ограды лежала армянская молитвенная книга с ежедневными чтениями. По данным Дж. Ли, в мае 1832 г. свою проповедь в этой церкви во время визита в афганскую столицу произнёс священнослужитель и миссионер доктор Джозеф Вольф².

Эти свидетельства позволяют перейти к вопросу о культурной адаптации. Адаптация к местной среде приводила к постепенной трансформации культурных практик

¹ Бала-Хисар — древняя цитадель в юго-восточной части Кабула. Первоначальное укрепленное сооружение II–V вв. н. э., предположительно, выполняло функции буддийского культового объекта (по другим данным, датируется французскими археологами II в. до н. э.). Крепость была взята Бабуром в 1504 г. После того как Тимур-шах перенес столицу в Кабул, Бала-Хисар превратился в основную резиденцию афганских монархов и сохранял этот статус до начала правления Абдурахман-хана.

² Британский священнослужитель англиканской церкви, миссионер и путешественник, дважды посетивший Афганистан.

при сохранении ключевых элементов идентичности. После середины 1820-х годов община лишилась постоянного священника, но, тем не менее, сохранила свою христианскую идентичность. При этом армяне переняли афганские имена, в быту говорили на персидском языке, и соблюдали местные обычаи, такие как снятие обуви и оружия перед входом в храм.

Взаимоотношения с мусульманским окружением также отличались взаимоуважением. Соседи относились к армянам с большим почтением. Армяне сопровождали мусульман на кладбище во время похорон, обменивались подарками на Навруз, а также получали их на Пасху и Рождество. Одной из местных армянских традиций на Пасху было посещение кладбища и чтение молитв на могилах усопших. В мае перед праздником Вознесения армянские женщины также отмечали древний праздник «Матери цветов».

Армянская община Кабула обладала собственным кладбищем, расположенным в непосредственной близости от мусульманских захоронений. Территория некрополя была обнесена невысокой оградой из камня. Ранние исследователи XIX в. зафиксировали наличие нескольких надгробий с надписями, предположительно на персидском языке. Эти данные подтверждают присутствие армян в Кабуле еще до правления Ахмад-шаха Дуррани. Присутствие одного из надгробий, выполненного в форме митры, указывает на то, что там был похоронен как минимум один священнослужитель. Имеющиеся исторические и визуальные источники, включая ранние зарисовки и фотографии XIX в., не позволяют однозначно идентифицировать точное местоположение этого армянского кладбища или установить его связь с современными топографическими объектами (Lee 2002).

Вторая англо-афганская война (1878–1880) имела глубокие последствия для армянской общины Кабула, коренным образом изменив траекторию ее развития. Падение власти Шер Али-хана и последующая оккупация города британскими войсками в 1879 г. создали предпосылки для ожидания улучшения статуса армянской общины. Однако вместо ожидаемого улучшения положение общины претерпело резкую негативную динамику. Кульминацией трагических событий, напрямую связанных с ведением боевых действий, стал взрыв порохового склада в цитадели Верхний Бала-Хисар 16 октября 1879 г., нанеший общине невосполнимый урон. В результате штурма и последовавших за ним боевых действий цитадель подверглась тотальному разрушению. Были уничтожены её базар, королевские резиденции и оружейные мастерские. Среди разрушенных объектов оказалось и здание единственной в то время в Афганистане христианской церкви, которой пользовалась армянская община. В исторических источниках приводится парадоксальное высказывание представительницы армянской общины, которая в беседе с британским врачом Джоном Греем иронично отметила: церковь, возведённая мусульманским правителем, была разрушена христианами (Gray 1895: 207).

Вскоре после начала британского вторжения стало очевидно, что первоначальный план англичан по быстрому завершению войны является нереализуемым. Положение вторгшихся на территорию страны британских войск стало стремительно ухудшаться. Это наглядно проявилось в ходе освободительной борьбы, которую вели афганские формирования под предводительством Мушки-Алама. В результате успешного штурма цитадель была освобождена, а её базар в ходе ожесточённых боёв вновь превращён в руины. Неблагоприятное соотношение сил, усугубленное

подходом британских подкреплений, вынудило афганских ополченцев отступить, что привело к повторной оккупации Бала-Хисара британскими войсками 4 ноября 1880 г. Однако несмотря на установление контроля над Кабулом, позиции оккупационных войск оставались крайне неустойчивыми (*Ромодин* 1990: 68–79).

В этих условиях командование приняло ряд радикальных мер, направленных на закрепление своего военного присутствия. Так, в Нижнем Бала-Хисаре был начат демонтаж уцелевших строений (частных домов, садов и торговых рядов) с целью расчистки территории для организации плаца и строительства подъездных путей. В результате на протяжении всего одного года знаменитая цитадель, ранее считавшаяся неприступной, была окончательно превращена в руины и полностью заброшена.

Боевые действия в Бала-Хисаре и проведенная британскими войсками, присланными из Индии, карательная экспедиция нанесли армянской общине Кабула существенный материальный и культурный урон. Полное разрушение сложившейся инфраструктуры, обеспечивавшей как культурную, так и повседневную жизнь общины, сделало ее дальнейшее пребывание в городе невозможным и послужило причиной массовой эмиграции армян из Кабула. Исторические источники позволяют выдвинуть предположение, что решающим фактором в принятии данного решения стало уничтожение армянской церкви. Данный тезис находит подтверждение в классических трудах путешественников, где впервые был зафиксирован показательный диалог между британским офицером и представителем общины. На вопрос о причинах их отказа покидать Кабул был получен символический ответ: «Как мы можем оставить нашу церковь?» (*Allen* 1843: 316).

Пришедший в 1880 г. к власти Абдурахман-хан и британская администрация достигли взаимного компромисса. Англия признала его эмиром Афганистана, сохранив влияние на его внешнюю политику, а сам Абдурахман-хан, в свою очередь, обеспечил вывод британских войск с основной части страны. Однако с приходом к власти нового правителя положение армянской общины значительно ухудшилось. Это было обусловлено двумя факторами. Во-первых, как будет показано ниже, армяне оказались втянуты в межэлитную борьбу за власть, в частности, через связи с поднявшим мятеж Исхак-ханом, который был рожден от армянки, что и привело к репрессиям в их адрес. Во-вторых, проводимая новым правителем, получившим прозвище «Железный эмир», жесткая политика централизации власти болезненно ударила по всем религиозным и этническим меньшинствам, включая армян.

Эти события не просто подтолкнули армянскую общину, а изменили характер её миграции, сделав её массовой и необратимой. Значительная часть армян, лишившись перспектив в Кабуле, решила мигрировать вслед за Исхак-ханом, назначенным губернатором афганского Туркестана, на север. Их новым пристанищем стал Мазари-Шариф, где к тому времени местная армянская диаспора уже превосходила кабульскую по численности (*Окимбеков* 2025).

Таким образом, на протяжении второй половины XIX в. произошла существенная трансформация городской географии армянских общин Афганистана. Эта трансформация была обусловлена не только внешними военно-политическими потрясениями (в частности, событиями Второй англо-афганской войны и последующей внутренней политикой «Железного эмира»), но и втянутостью общины в межэлитную борьбу. Под влиянием этих причин центр общинной жизни постепенно и необратимо сместился из Кабула в Мазари-Шариф.

Армяне в системе внутривосточных и внешнеполитических отношений

Армянская община Афганистана занимала особое положение в системе политических и экономических отношений страны, что было обеспечено рядом факторов. Наиболее благоприятные условия сложились для неё в эпоху правления династии Садозаев (1747–1842 гг.). Представителям общины были предоставлены значительные привилегии, включавшие свободу передвижения, освобождение от дискриминационных предписаний в одежде и налоговые льготы. Они пользовались покровительством влиятельных фигур, таких как визирь Фатех-хан¹, и обладали всеми правами, включая свободу вероисповедания. Эти правовые преимущества, подкреплённые эффективным использованием диаспоральных сетей, позволили армянам сохранить устойчивое положение.

Еще в 1755 г. Ахмад-шах Дуррани привлек на службу армянских артиллеристов из Лахора, часть которых владела передовой по тем временам технологией литья артиллерийских орудий. Осада Нишапура может служить примером использования армянских оружейников. Британский востоковед Дж. Ли в описании эпизода осады Нишапура войсками Ахмад-шаха отмечает: «Когда началась осада, армянские оружейные мастера расплавили металл и отлили чудовищное орудие. Первый же выстрел не только пробил городские стены, но и сеял хаос, круша дома и базары. Ужас, вызванный этим ‘оружием массового поражения’, был настолько велик, что старейшины города пришли, изъявили покорность и открыли городские ворота, несмотря на отказ правителя Нишапура сдаваться. Защитники Нишапура не знали, что первый выстрел пушки стал и последним, поскольку взрывная волна расколола ствол» (Lee 2018: 133).

Армяне служили в элитных подразделениях личной гвардии Ахмад-шаха, сопровождая его в военных походах. При его преемнике Тимур-шахе (ум. 1793 г.) они первоначально сохраняли свой статус, однако в дальнейшем правитель отказался от их услуг. Это привело к ухудшению материального положения армянской общины и изменило их социально-экономический статус (Lee 2018: 158).

Переход власти к династии Баракзаев (после 1842 г.) положил конец эпохе привилегированного существования армянской общины. Их статус начал неуклонно ухудшаться, а сами они стали подвергаться периодическим притеснениям и преследованиям. Несмотря на это, вплоть до начала правления Абдурахман-хана (конец XIX в.) армянам в целом удавалось сохранять относительно устойчивое положение в афганском обществе.

Жизнестойкость армянской общины в значительной степени объяснялась многогранностью её деятельности. Если в период правления Садозаев военная служба играла определяющую роль в социально-экономическом положении армян, то в последующие годы произошла переориентация на торговую деятельность.

Экономическая деятельность армянской общины не ограничивалась лишь трансграничной торговлей. Так, вследствие осложнения экономической конъюнктуры армяне всё больше стали полагаться на дистилляцию и продажу вин и крепких спиртных напитков, пользовавшихся популярностью как у мусульман, так и у христиан. Именно поэтому, когда в 1826 г. Дост Мохаммед-хан стал эмиром и запретил мусульманскому населению употребление алкоголя, это нанесло серьёзный удар по

¹ Вазир Фатех-хан, влиятельная фигура афганской политики начала XIX в., старший сын Пайнда-хана. Он занимал должность Великого визиря при правителях династии Саддозаев (включая шаха Махмуда), демонстрируя значительные полководческие способности.

сообществу, уже находившемуся в упадке. Этот запрет стал еще одним фактором, усугубившим и без того тяжелое положение общины (*Burnes* 1834: 148). Кроме того, новый эмир поручил требовать с иноверцев дополнительные налоговые суммы.

Армянская община в Афганистане, в силу своего уникального культурного и религиозного положения, обладала значительным потенциалом для развития связей с европейскими державами. В отличие от местного населения, армяне имели давние торговые контакты с европейскими купцами и миссионерами в Персии и Индии, что способствовало формированию у них определенного менталитета и набора навыков, востребованных западными державами. Это положение делало их идеальными посредниками в отношениях с британцами, чьи интересы в Афганистане постоянно росли.

Одним из ключевых проявлений этого потенциала было активное участие армян в качестве посредников и поставщиков услуг для британских путешественников, исследователей и политических агентов. Их знание местных языков в сочетании с пониманием европейских обычаев делало армян незаменимыми кадрами. Армяне часто выступали в роли переводчиков, проводников для врачей и дипломатов, а иногда и в качестве доверенных лиц, что позволяло им занимать важные позиции в структурах, обслуживающих британские интересы в регионе.

Судя по материалам британских исследователей, британцы тоже проявляли большой интерес к армянской общине, вероятно видя в ней потенциального союзника и источник квалифицированных кадров. Такое сотрудничество было взаимовыгодным. Британцы получали надежных посредников, способных ориентироваться в сложной политической и этнической структуре Афганистана¹, а армяне, в свою очередь, использовали эти связи для укрепления своего статуса, получения защиты².

Сотрудничество армянской общины с британскими войсками в период оккупации Афганистана представляло собой противоречивое явление. Оно сулило потенциальные выгоды, но при этом несло значительные риски. Так, например, два армянских купца взяли на себя ключевую роль в снабжении британской армии провизией, что открывало перед общиной определенные экономические и политические перспективы. Помимо коммерческих контактов, отсутствие собственного священника вынуждало армян обращаться к армейским капелланам британских войск для совершения обряда крещения (*Lee* 2002). Тем не менее, эти связи были сопряжены с серьезными опасностями. Напряженная атмосфера и повсеместные антианглийские настроения, подогретые последствиями англо-афганских войн, могли создавать почву для скрытого недовольства и потенциальной враждебности со стороны местного населения и элит по отношению к сотрудничающим с оккупантами армянам. Любые контакты с европейцами в эпоху «Большой игры» становились предметом пристального внимания. Ярким примером служит обвинение эмира Абдурахман-хана в адрес лидера восстания Исхак-хана

¹ Например, британского врача Джона Альфреда Грея (John Alfred Gray), работавшего при дворе эмира Афганистана Абдурахмана в конце XIX в. и описавшего свои воспоминания в книге «При дворе эмира» (1895 г.), сопровождал переводчик-армянин по имени Яхья. Вероятно, Яхья выучил английский язык в Индии, откуда он переселился в Кабул (*Gray* 1895: 44); Британский археолог Чарльз Массон во время посещения Афганистана останавливался у армян в Бала-Хисаре (*Lee* 2018: 202).

² Как будет показано ниже, представители армянской общины неоднократно обращались за помощью к британцам, в частности к британской миссии в Пешаваре. Например, в 1847 г., когда армянский купец противостоял союзу своей дочери с членом афганской правящей элиты Азам-ханом, он за помощью обратился к английскому агенту в Пешаваре.

(имевшего армянские корни) в сговоре с Россией. Этот случай наглядно демонстрирует, как этнические и внешнеполитические связи могли использоваться для дискредитации политических оппонентов в рамках внутриэлитной борьбы (*Kakar* 2006: 103).

Наряду с экономическими контактами, при Дост Мохаммад-хане армянская община начала входить в более тесное социальное взаимодействие с правящей афганской элитой. Это сближение открывало не только новые перспективы для влияния, но и создавало основу для будущих сложностей и «головной боли» для общины, особенно в контексте потенциальных династических связей. В 1847 г. второй сын Дост Мохаммед-хана, Азам-хан, влюбился в дочь одного из лидеров армянской общины по имени Тимур. Однако отец армянки воспротивился этому союзу, и, опасаясь, что девушку заберут силой, община обратилась к майору Лоуренсу, британскому агенту в Пешаваре, с просьбой о вмешательстве. В ответ Лоуренс написал письмо афганскому эмиру с просьбой вмешаться в ситуацию. Дост Мохаммад-хан изначально возражал против этого брака. Однако к лету 1848 г. он всё же дал своё согласие, убедившись, что девушка не против союза (*Lee* 2018: 39).

После смерти Дост Мухаммад-хана в 1863 г. Афганистан погрузился в ожесточённую гражданскую войну. В 1867 г. Азам-хан принял титул эмира после кончины своего старшего брата, Афзал-хана. Его правление оказалось недолгим — оно продлилось менее года, и вскоре он был свергнут другим братом, Шер Али-ханом. В 1868 г. сын Азам-хана Исхак-хан с дочерью Тимура бежал в Самарканд, где активно поддержал притязания своего двоюродного брата Абдурахман-хана на верховную власть.

Исхак-хан сыграл ключевую роль в восхождении Абдурахман-хана на престол. После того как последний стал эмиром (в 1880 г.), он назначил Исхак-хана губернатором афганского Туркестана (Чар-Вилайета). Однако, начиная с 1884 г., отношения между ними стали ухудшаться. Исхак-хан проводил достаточно независимую от центра политику, что противоречило курсу «Железного эмира» на централизацию власти. В разгар политического кризиса в стране, в 1888 г., Исхак-хан поднял мятеж. Собрав войска в Мазари-Шарифе, он заявил о намерении отторгнуть Туркестан от афганского государства и провозгласил себя эмиром. Тем не менее, восстание было подавлено силами Абдурахман-хана (*Ромодин* 1990: 99–101).

После несостоявшегося восстания Исхак-хана разгневанный эмир Абдурахман-хан стал проводить агрессивную политику в отношении армянской общины. Утверждается, что эмир пытался насильно обратить некоторых армян в ислам. Также сообщается, что несколько членов общины были заключены в тюрьму и впоследствии освобождены благодаря заступничеству британского миссионера в Пешаваре (*Lee* 2018: 39).

Таким образом, в период правления династии Садозаев армянская община достигла привилегированного статуса, интегрируясь в государственные структуры. С последующим ухудшением положения она переориентировалась на трансграничную торговлю. Сотрудничество с британцами, принося выгоду, создавало риски для общины на фоне растущих антианглийских настроений. Улучшение положения общины стало возможно благодаря браку дочери одного из армянских купцов с сыном эмира Афганистана, но в итоге это привело к тому, что община стала жертвой в междоусобной борьбе за власть. Одним из ключевых факторов утраты положения армян стало восстание Исхак-хана, после подавления которого в отношении общины были применены жесткие меры, ставшие одной из причин их изгнания при Абдурахман-хане.

Упадок общины

Ухудшение положения армянской общины в Афганистане и начало её исхода были обусловлены комплексом факторов, среди которых значимую роль сыграли геополитические перемены в регионе. Усиление европейского колониализма и экспансия Ост-Индской компании в XVII в. привели к постепенному упадку сухопутной торговли и переориентации товарных потоков на морские пути, что в конечном итоге предопределило ослабление армянской торговой диаспоры в регионе.

Как было показано, помимо этого ослабление позиций армянской общины усугубилось политическими переменами. Знаковым в этом контексте является переход власти к династии Садозаев к Баракзаем (*Burnes* 1834: 148). С ухудшением положения армяне начали переселяться по разным направлениям. Те из армян, кто сохранял воинские амбиции, либо вернулись на Кавказ, либо нанимались наёмниками. В частности, имеются свидетельства того, что один из кабульских армян поступил на службу к правителю сикхов Ранджиту Сингху, который противостоял завоевательным амбициям афганских правителей (*Lee* 2002).

Для армянской общины переломными стали 1880-е годы. При Абдурахман-хане, на фоне общего ухудшения положения, вызванного геополитической нестабильностью и политикой централизации «Железного эмира», значительная часть армян начала переселяться на север Афганистана. Этот процесс получил дополнительный импульс после назначения Исхак-хана губернатором на севере. Некоторые кабульские армяне, лишившиеся крова из-за действий британцев, решили попытать счастья в Афганском Туркестане. В результате, когда оставшиеся в столице армяне подали эмиру прошение разрешить им присоединиться к единоверцам на севере, он приказал всем им переселиться, и около 40 семей, распродав имущество, отправились в Мазари-Шариф.

Кульминацией политического кризиса стало восстание Исхак-хана осенью 1888 г., которое было подавлено, а сам мятежный правитель бежал в Самарканд. После этих событий Абдурахман-хан ужесточил политику централизации, и его гнев, среди прочих, обрушился на оставшихся в стране родственников Исхак-хана, имевшего армянские корни по материнской линии. В частности, была арестована его мать (дочь Тимура), обвинённая в подстрекательстве к беспорядкам. Её братья, включая Лукаса Джозефа (Санвар аль-Дин Хан), управлявшего пороховой фабрикой в Джелалабаде, были заключены в тюрьму, а затем весь клан был выслан в Пешавар с конфискацией имущества (*Lee* 2018: 39).

Несмотря на это, история армян в регионе на этом не завершилась. В течение последующих восьми лет Лукас Джозеф с семьёй вернулся в Афганистан и был восстановлен в должности. Однако позиции общины были непрочными. Хотя эмир и пытался вернуть армян, обращаясь к «индийским армянам», их условия оказались для него неприемлемыми. В конечном счёте Джозеф и его семья были изгнаны повторно. Лишённые имущества в Кабуле, они прибыли в Пешавар. Большинство армян, оставив надежду на возвращение, осели в Калькутте, хотя часть обосновалась в Пешаваре (*Seth* 1937: 217–219).

Судьба пешаварской диаспоры армян прослеживается по отдельным семейным историям. Так, согласно данным Дж. Ли, армяне посещали церковь «Всех Святых», выделяясь своей одеждой. Среди них был и Лукас Джозеф (Санвар аль-Дин). Например, его дочь, Кэтлин Аратун, изучала медицину и вместе с сестрой, акушеркой Киноси Харипайет, долгие годы работала при Миссионерской больнице в Пешаваре.

Сын Джозефа, Пол Джозеф, занимал пост главного врача этой больницы, а его внук, доктор Деннис Джозеф, преподавал там же в 1990-х годах.

Вместе с тем, Дж. Ли полагает, что по крайней мере одна семья кабульских армян оставалась в Афганистане до конца 1990-х годов. В качестве подтверждения он приводит заявление афганского беженца Абила Армяняна, который весной 2000 г. сообщил, что является армянином по происхождению и бежал из страны в 1999 г. Он утверждал, что является последним в своей семье, кто покинул Афганистан, и что ещё около пятидесяти лет назад в Кабуле проживало до ста человек армянского происхождения (Lee 2002).

Таким образом, в результате исход армян из Афганистана, первоначально спровоцированный комплексом внешних и внутренних факторов, перерос в устойчивую тенденцию, которая привела к демографическому краху общины и переносу её центров за пределы страны.

Заключение

Настоящая работа подтверждает тезис о том, что история армянской общины Афганистана остается малоизученным историческим феноменом в отечественной и мировой историографии. Вместе с тем, анализ доступных материалов позволяет выявить характерную модель взаимоотношений этно-конфессионального меньшинства и большинства в условиях доиндустриального общества.

Следует отметить, что армянская диаспора сформировалась в Афганистане как экономический актор, чья устойчивость на протяжении XVII–XIX вв. обеспечивалась сочетанием официального покровительства и сетевой организации, что позволило ей занять важное место в социально-экономической структуре региона.

Анализ доступных источников позволяет утверждать, что на протяжении XVII–XIX веков значительная часть афганских правителей и общество в целом демонстрировали высокую степень прагматизма и религиозной терпимости. На это указывают такие меры, как предоставление армянам особого статуса, разрешение на строительство церкви, что в совокупности свидетельствует о целенаправленной политике интеграции полезного меньшинства в социально-экономическую структуру государства.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что терпимость имела свои границы и колебалась в зависимости от политической конъюнктуры, что особенно ярко проявилось в периоды правления Баракзаев. Следует также учитывать, что гонения на религиозные меньшинства были глобальной нормой той эпохи, а не уникальной чертой афганских правителей.

Со своей стороны, армянская община, демонстрируя высокую степень интеграции через владение местными языками и традициями, одновременно проявляла устойчивую тенденцию к сохранению своей этно-конфессиональной идентичности. Это подтверждается наличием собственных религиозно-культурных объектов, а также целенаправленными усилиями по сохранению ключевых маркеров идентичности, таких как христианское вероисповедание, письменность и алфавит.

Более того, способность к балансированию получает дополнительное объяснение в контексте более широкого исторического опыта армян, выходящего за пределы Афганистана. Ярким свидетельством уникальной адаптационной стратегии, наблюдаемым автором на территории Армении, служит практика нанесения исламских

религиозных символов и изображений персидских правителей на фасады христианских храмов в периоды внешней угрозы. Подобные меры, малоприемлимые для многих других этно-конфессиональных групп, демонстрируют, что выработанная веками гибкость и готовность к компромиссам сформировались у армян в устойчивую национальную черту, обеспечивавшую в том числе эффективное сохранение идентичности в условиях инокультурного давления.

Ключевой причиной упадка общины стала утрата ею политического иммунитета в условиях централизации государства при Абдуррахман-хане. Интеграция в правящую элиту, достигшая своей высшей точки в династическом браке, в дальнейшем предопределила уязвимость общины, превратив её в разменную монету в междоусобных конфликтах. Депопуляция и исход армянского населения во второй половине XIX в. представляли собой процесс, инициированный военно-политическими переменами, завершился демографическим крахом общины и переносом её центров за пределы Афганистана.

На наш взгляд, перспективным направлением для дальнейших исследований является комплексное изучение темы, включающее анализ армяноязычных источников, работу с архивными материалами, а также полевые изыскания на территории Афганистана. Их целью стала бы верификация и дополнение существующих данных за счёт выявления и фиксации сохранившегося историко-культурного наследия общины, такого как кладбища и остатки церковных построек.

Источники и материалы

- Koxzad* 1950 — *Koxzad A.A.* لباباک راصح حال اب و ځیرات یادم آشیپ (Кабульская крепость Бала-Хисар и исторические события). Кабул, 1950. 622 с. (на яз. дари).
- Adamec* 1975 — *Adamec W. Ludwig.* Who is who of Afghanistan. Austria, 1975. 384 p.
- Abdur Rahman* 1900 — *Abdur Rahman* (Amir of Afghanistan). The Life of Abdur Rahman, Amir of Afghanistan: Being the Autobiography of the Amir. Ed. by Mir Munshi Sultan Mahomed Khan. Vol. 1. London: John Murray, 1900. XIV. 295 p.
- Allen* 1843 — *Allen I. N.* Diary of a March Through Sindh and Afghanistan, with the Troops Under the Command of General Sir William Nott and Sermons Delivered on Various Occasions During the Campaign of 1842. London: Hatchard, 1843. 468 p.
- Burnes* 1834 — *Burnes A.* Travels into Bokhara: being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia. Vol. I. London, 1834. 354 p.
- Gray* 1895 — *Gray J. A.* At the Court of the Amir: A Narrative. London: Richard Bentley and Son, 1895. 523 p.
- Masson* 1844 — *Masson Ch.* Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan, the Panjab, & Kalât During a Residence in those Countries: to Which is Added an Account of the Insurrection at Kalat, and a Memoir on Eastern Balochistan. Vol. II. London: R. Bentley, 1844. 464 p.

Научная литература

- Григорьев С. Е.* Евреи Афганистана // Евреи Европы и Ближнего Востока: наследие и его ретрансляция. История, языки, литература, культура: Материалы международной научной конференции памяти Э. Брамсон-Альпернене 23 апреля 2017 г. / Отв. ред. М. О. Мельцин. СПб.: Петербургский институт иудаики, 2017. С. 157–163.
- Куповецкий М. С.* Евреи из Мешхеда и Герата в Средней Азии // Этнографическое обозрение. 1992. № 5. С. 54–64.
- Окимбеков У. В.* Социально-экономическая жизнь немусульманских общин Афганистана XIX в. // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 324–339. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2025-2/324-339>

- Ромодин В. В. Афганистан во второй половине XIX — начале XX в. Официальная история и историография. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 141 с.
- Топилин А. В., Погосян Г., Осадчая Г. И. Социально-экономический потенциал армянской диаспоры в контексте интеграции в ЕАЭС // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 3. С. 117–128.
- Bonotto R. Non-Muslim Minorities in the Modern Afghanistan's Economy // Athens Journal of History. 2023. Vol. 9. No. 3. P. 261–278. <https://doi.org/10.30958/ajhis.9-3-3>
- Contadini A., Camber R., P. Northover. Beasts that Roared: The Pisa Griffin and the New York Lion // Cairo to Kabul: Afghan and Islamic Studies presented to Ralph Pinder-Wilson / Ed. by W. Ball, L. Harrow. London: Melisende, 2002. P. 157–162.
- Kakar M. H. A Political and Diplomatic History of Afghanistan, 1863–1901. Boston; Leiden: Brill, 2006. 328 p.
- Lee J. L. The Armenians of Kabul and Afghanistan // Cairo to Kabul: Afghan and Islamic Studies presented to Ralph Pinder-Wilson / Ed. by W. Ball and L. Harrow. London, 2002. P. 157–162.
- Lee J. L. Afghanistan: A History from 1260 to the Present. London: Reaktion Books, 2018. 780 p.
- Lockhart L. Nadir Shah: A Critical Study Based Mainly upon Contemporary Sources. London Luzac & Co, 1938. 344 p.
- Seth M. J. Armenians in India: From the Earliest Times to the Present Day. Calcutta: Armenian College Press, 1937. 500 p.

References

- Bonotto, R. 2023. Non-Muslim Minorities in the Modern Afghanistan's Economy. *Athens Journal of History* 9(3): 261–278. <https://doi.org/10.30958/ajhis.9-3-3>
- Contadini, A., R. Camber, and P. Northover. 2002. Beasts that Roared: The Pisa Griffin and the New York Lion. In *Cairo to Kabul: Afghan and Islamic Studies presented to Ralph Pinder-Wilson*, ed. by W. Ball and L. Harrow. London: Melisende. 157–162.
- Grigoriev, S. E. 2017. Evrei Afganistana [Jews of Afghanistan]. In *Evrei Evropy i Blizhnego Vostoka: nasledie i ego retransliatsiia. Istoriia, yazyki, literatura, kul'tura: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati E. Bramson-Al'pernene (23 apreliia 2017)* [Jews of Europe and the Middle East: Heritage and its Retransmission. History, Languages, Literature, Culture: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of E. Bramson-Alpernen (April 23, 2017)], ed. by M. O. Meltsin. Saint Petersburg: Peterburgskii institut iudaiki. 157–163.
- Kakar, M. H. 2006. *A Political and Diplomatic History of Afghanistan, 1863–1901*. Boston; Leiden: Brill. 328 p.
- Kupovetskii, M. S. 1992. Evrei iz Meshkheda i Gerata v Srednei Azii [Jews from Mashhad and Herat in Central Asia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 54–64.
- Lee, J. L. 2002. The Armenians of Kabul and Afghanistan. In *Cairo to Kabul: Afghan and Islamic Studies presented to Ralph Pinder-Wilson*, ed. by W. Ball and L. Harrow. London. 157–162.
- Lee, J. L. 2018. *Afghanistan: A History from 1260 to the Present*. London: Reaktion Books. 780 p.
- Lockhart, L. 1938. *Nadir Shah: A Critical Study Based Mainly upon Contemporary Sources*. London: Luzac & Co. 344 p.
- Okimbekov, U. V. 2025. Sotsial'no-ekonomicheskaia zhizn' nemusul'manskikh obshchin Afganistana XIX v. [Socio-Economic Life of Non-Muslim Communities in Afghanistan in the 19th Century]. *Vestnik antropologii* 2: 324–339. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2025-2/324-339>
- Romodina, V. A. 1990. *Afghanistan vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. (Ofitsial'naiia istoriia i istoriografiia)* [Afghanistan in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries. (Official History and Historiography)]. Moscow: Nauka. 141 p.
- Seth, M. J. 1937. *Armenians in India: From the Earliest Times to the Present Day*. Calcutta: Armenian College Press. 500 p.
- Topilin, A. V., G. Pogosiyan, G. I. Osadchaia. 2021. Sotsial'no-ekonomicheskii potentsial armianskoi diaspory v kontekste integratsii v EAES [Socio-Economic Potential of the Armenian Diaspora in the Context of Integration into the EAEU]. *Tsentral'naiia Azia i Kavkaz* 24(3): 117–128.